

Обсуждаем ТОП-32 "Чемпионата Балтии - 2020". Разговор о подборках 112, 211, 238, 285. "Подборки, о которых хочется говорить...".

ИМХО-КЛУБ: ТЕРРИТОРИЯ СВОБОДНОГО МНЕНИЯ

О подборках 112, 211, 238, 285

Преамбула от Доктора

Нынешний ЧБ как-то слишком богат на всевозможные противостояния и неуёмную активность комментаторов. Посмотрим же, настолько ли громко заявляют о себе стихи, чтобы перекрыть этот «белый шум» на портале.

Доктор – несмотря на то, что эту личность многие демонизируют и записывают в расчленители поэзии, – выступит на этот раз в роли скромнейшей тени, действующей под мудрым и тёплым женским руководством. Оттенит красоту мысли и изящество языка одной из любимых поэтесс, по совместительству являющейся одарённым публицистом, если идет серьёзный разговор о стихах.

Надобно еще заметить, что Доктор уловил явную глобальную тенденцию: Чемпионат Балтии, на протяжении всей своей истории, лишён гениальных стихов. Талантливых много, а вот с гениальными – увы. Всё гениальное, как ни странно, рождается на Кубках Мира, когда первую скрипку играет либо природная спонтанность, либо нечеловеческая выдержка и тактика «придерживания» и «вылеживания» стихов. А в нынешнем ЧБ как никогда явно проявился высокий, но ровный уровень в творчестве вершителей и повелителей азбуки русского языка.

Посему, в первом обзоре лонга Балтии 2020 Доктор хочет поговорить не о фаворитах и потенциальных лидерах, а о подборках, которые вызвали у него мысли, отличные от мыслей об уютном камине и теплом пледе.

Преамбула от Петры Калугиной

Приветствую вас, дорогие друзья-изолянты, а также друзья-нарушители, вольные и невольные!

Как вы уже поняли, мы с Доктором решили объединиться и порадовать вас серией обзоров, посвящённых подборкам топа-32. Надеюсь, что именно порадовать, а если кого-то и огорчить, то не сильно. Так, самую капельку... не слишком отклоняясь от установки беречь друг друга, данную хозяином сайта еще на старте.

А еще мы решили отступить от традиционного формата обсуждения пар, возникших в результате жеребьёвки, и в каждом новом обзоре говорить именно о тех подборках, о которых хочется говорить. У каждого из нас есть свой список предпочтений, вот и будем двигаться по этим спискам сверху вниз, разбирая по четыре подборки за раз – две докторские, две мои. Посмотрим, что из этого получится, в чем совпадём, а в чем категорически разойдёмся.

Подборки, о которых хочется говорить...

Итак, первая четвёрка в номинации «Подборки, о которых хочется говорить...».

Выбор Доктора:

211. « [Роди мне мальчика](#) ».

112. « [Бессимптомно](#) ». Автор - Елена Лещинская.

Выбор Петры Калугиной:

285. « [Так сходит свет](#) »,

238. « [Гудини](#) ».

Внимание!

Имена авторов анонимных конкурсных произведений будут оглашены в Итоговом протоколе конкурса 6 июня 2020 года в 23:59 по Москве.

211. « [Роди мне мальчика](#) ».

Доктор:

Не устаю твердить, что лирические стихи о любви, писанные от лица мужчины – большая и драгоценная редкость в актуальном пространстве Балтии. Тем более – писанные лёгким, летящим слогом, полным добродушной ироничности.

*Смотри, струится мать-и-мачеха,
стрижи поют начало дня!
Останься и роди мне мальчика.
А лучше — девочку и мальчика,
моих, похожих на меня.*

Даже Доктора, записного циника и мизантропа, такое вгоняет в лёгкую оказию дум о возможности еще раз всерьез поразмышлять о продолжении рода.

А поэтика? Послушайте, как изящно звучит в авторском исполнении метафора мегаполиса, довольно жёсткого и непоэтичного места, по меркам двадцать первого века:

*Не уходи, моя красивая,
в края неоновой парчи...*

Первое стихотворение – по сути гимн любви, ода романтике. Вобравшее в себя лучшие черты периода Серебряного века с позиции века информационного, когда даже город – в некоторых случаях понятие необязательное для активной творческой жизни и воспринимаемое в качестве своеобразной иллюзии:

Влекут огни большого города

*с его бетонной кожурой.
Смотри, туман развесил бороду
по-над Матрёниной горой.*

Вообще, надо заметить, некая лёгкость, а порой даже легкомысленность авторского пера завораживает, так как при всей открытой чувственности – и стиль, и образы, и метафоры, скользя по грани откровенности, не переходят в состояние пошлости, а это дорогого стоит:

*Ну что, давай? Я выряжусь во фрак,
а ты всегда красивая и так,
лишь завиток на лбу нежнее станет.
Босая, ни помады, ни румян,
такая ты немного кошка, мяу.
Мадам, хотите быть моей на танец?*

*Давай сейчас, и всё сойдёт нам с рук.
А ночью Дед Мороз в окно тук-тук,
и жеребцы волшебные крылаты!
И ты, устав от смеха и игры,
уснула бы, а я б тебя укрыл...*

Третье стихотворение полно есенинскими мотивами, и не дает читателю совершенно увериться в том, что подборку писала женщина. Для Доктора пол автора – один из самых интригующих моментов в этой игре, что не помешало насладиться аурой «крестьянского бунтаря», свойственной творчеству именно Сергея Александровича.

*Занавеска чуть желтее с краю,
рыскает позёмка по степи.
Снилось: я внезапно умираю,
и собака плачет на цепи.*

*Долгое животное терпенье
не оценит мёртвый человек.
Как же отвязать её теперь мне,
если сам отвязанный навек?*

Да, Доктор видит моменты, в которых проявилась «сырость» текстов. Особенно неловко это случилось в пассаже «потом лечи тебя осинами». Но акцентировать внимание на этих мелочах не посчитал нужным.

Петра Калугина:

Мне тоже симпатична эта подборка. Не настолько, правда, чтобы включить ее в свой топ, хотя в первой редакции она там и фигурировала. Первые два текста показались

мне мужской вариацией Елены Наильевны, но без ее шика-блеска и повадки красоваться перед читателем диковинным розовым ламантином. На ламантина лир.гер не вытянул, то есть нигде в этих двух текстах не проявил себя неожиданно, не застал читателя врасплох (да и лир.адресатку наверняка тоже). В первом пригрозил «лечить осинами» и предсказуемо поманил продолжением рода. Во втором звучащее рефреном «давай», «ну что, давай?», «давай сейчас» наталкивает на мысль о каком-то уламывании, которое длится долго, три строфы, и упирается в пошловатое «Мадам, хотите быть моей на танец?» («Ах, какая женщина, мне б такую...» – зевнув, припомнила я здесь поповую строчку примерно того же уровня.)

А вот третье стихотворение – это да, это та самая поэзия, за которой все мы тут охотимся, если не как авторы, то хотя бы как отборщики. С такой жемчужиной не стыдно было бы вынырнуть на конкурсе одиночных стихов, и потом болеть за нее всю дорогу до финала. Но вытягивает ли она одна – всю подборку? Не знаю, не знаю... Но продолжу начатую Доктором цитату, чтобы читатель обзора мог, не кликая, увидеть стихотворение целиком и еще раз им насладиться:

*Тропка не протоптана к сараю,
старая фуфайка на крюке.
Вот лежу и тихо остываю,
зенками увязнув в потолке.*

*Не ломить костям, не мокнуть ране.
Надо было юркую, как вошь,
отпустить тебя ещё вчера мне.
А сейчас —
сейчас уже чего ж...*

*Хочешь, вой да цепью громче звякай,
человечек твой обрёл покой.
Лишь душа кружится над собакой,
в неизвестность лающей с тоской.*

285. « [Так сходит свет](#) »

Петра Калугина:

Текст, открывающий подборку, является в ней самым ярким, ключевым: он настолько созвучен нынешнему состоянию мировой психеи, что у психеи частной, индивидуальной, нет шанса не отозваться. А что за состояние нынче у мировой психеи? Взведённое и

подавленное одновременно, напряжённо-саспенсное, тревожное. Состояние взглядывания в бездну – в городской закат как в панораму непреходящего, хронически тлеющего апокалипсиса.

*Горят леса.
Дымы, как родовые древесина,
перерастают яблоневый сад,
садится солнце, увядает рута...*

*То запад пламенеет, то восток,
В затылок дышит череда высоток,
оконных вспышек восковые соты
раскрыли зёвы – втягивают смог.*

В первом стихотворении не указано, о каком месте идет речь, какой именно «град» метафорически уподоблен древлянскому Искоростеню, но по двум другим текстам можно догадаться, что это скорее всего Киев. Киев и лесные пожары, охватившие весной Киевскую область. Киев и пандемия. Герой – обитатель одной из восковых ячеек мегаполиса – стоит «на крылышке пчелы» и созерцает раскинувшуюся от горизонта до горизонта эпичную картину светопреставления.

*Слетают воробьи с горящих стрех,
гудят, гудят невидимые пчелы,
река готовит саваны парчовы
для сущих во гробех.*

Картина мрачная, устрашающая, но и – парадоксальным образом – обнадеживающая. Обнадеживает само это упорное постоянство, недонаступление «конца света». Его хроническое протекание: перетекание из века в век. Для большинства в лёгкой, а то и вовсе бессимптомной форме.

Мы ждём конца света, боимся его, готовимся к нему, а он между тем и есть наша естественная среда обитания. – Вот что сообщает мне этот текст, вот чем он меня утешает, делая вид, что пытается напугать; проводя передо мной парад теней с обугленными лицами –

*горшечниц, земледельцев и купцов,
не спасшихся писцов и дегтекуров,
ходебщиков, бояр и балагуров...*

...а вот и органично примкнувший к ним, современный «ты». Замыкающий в этой веренице жертв. «Над куполами выскочек-высоток ты оставляешь след своих кроссовок...»

Блестящий авторский ход – говорить о современности (об ультра-современности, о свежей сукровице на срезе прожитого дня!), и ни разу не оступиться в злободневность,

в тренд. В маски, респираторы, гречки, балконные спевки и прочие приметы самоизоляции. Автор избрал другой материал: легенду. Ольгу с птицами. Столь глубокое прошлое, что даже уже не древнее – вневременное. Схождение света – огня небесного – на мегаполис и род людской.

Смешение устаревшей и современной лексики, архаичной и современной образности даёт здесь, в этом стихотворении, необычный терапевтический эффект «разглаживания», смещения напряжённого фокуса с крайней границы времени (дня сегодняшнего) – в его, времени, глубину. Туда, где всё уже было-было-было. И лес горел, и люди умирали от голода и болезней. Текст как бы призывает выдохнуть, охолонуть. Но делает это не напрямую, а идя от обратного: вроде бы нагнетая и усугубляя, обложив со всех сторон пожарами и затруднив дыхание смогами и дымами.

В концовке картина стремительно светлеет, «апокалипсис» отозван и волной уползает вспять: «лес оживает, город воскресает, // смеётся Ольга, пташек отпуская, // и у реки камыш неопалим». Остаётся гадать, что это – внезапный хеппи-энд или видения посмертного бытия, куда герой ушел в своих небесных кроссовках. И эта неопределённость тоже здесь очень в тему: открытый финал, сожжёт Ольга город или нет, или город уже горит, или город и есть горение?

Во втором и третьем стихах подборки уже нет такого мощного, торжественного, как будто сыгранного на органе, ощущения катастрофы. Они более спокойные, умеренного, так сказать, темперамента. Во втором хороша концовка: «Ведь рождённым здесь Моисеям просто некуда уходить». Безнадрывная, зрелая горечь этой фразы остаётся послевкусием всего стихотворения. Третье обращено к маме, к «милому призраку», снимаемому на смену погоды. Сентиментальное, светлое, грустное – хочется ограничиться этими словами и ничего больше не говорить.

Подозреваю, что Доктор найдёт к чему придраться в этих стихах с чисто технической стороны. Я и сама на его месте придралась бы к «клёкоту из уключин» или к выживанию в магазине, или к не самому удачному, наивному какому-то построению фразы: «А мир был с одного лишь слова создан». Но на своем месте делать этого не хочу, всё-таки подборка – мой фаворит, и главное в ней не техника.

Доктор:

Первый текст выглядит красиво, звучит красиво и читается, наверняка, красиво и с выражением. А если так – что кроме поэзии это может быть? И это, естественно, поэзия. В привычном и любимом всеми нами, а особенно жюри, формате «мини апокалипсиса», слегка щекочущего нервы, но не лишённого библейских аллюзий на воскрешение добра и победу над плюшевым метафорическим злом.

Доктору это стихотворение тоже приглянулось сразу. Грамотно выстроенная композиция, богатый образный ряд и редкий, в нынешние времена, насыщенный русский язык.

Видно, что поэт может увлечь своим глаголом доверчивых читателей, предложив требовательному вкусу вневременное полотно локального армагеддона – изысканное блюдо, поданное от лица философствующего о бытии наблюдателя:

*А ты стоишь на крылышке пчелы,
глядишь, как сонно маются челны
на пристани — прикормленные птицы,
и тени их, объёмны и черны,
похожи на обугленные лица*

Наблюдатель этот – с успехом примеряет на себя маску Воланда, а точнее – одной из его ипостасей: умудренного веками существа, находящего даже в катастрофе не только минусы, но и плюсы:

*Так сходит свет, и жизнь идёт за ним.
Над куполами выскочек-высоток
ты оставляешь след своих кроссовок,
лес оживает, город воскресает,
смеётся Ольга, пташек отпуская,
и у реки камыш неопалим.*

Эта маска «вечного философа» тем более становится очевидной, если принять во внимание множество элементов исторической эклектики, включенной в стихотворение. Здесь «бояре» и «ходебщики» легко пересекаются и взаимодействуют с «высотками» и «кроссовками», и этот симбиоз не кажется надуманным, но вызывает читательское доверие. И, очевидно, доверие членов жюри.

Доктор же, как верно подметила, но неверно сформулировала коллега, – не ищет к чему придраться. Это поэты, словно специально, провоцируют Доктора, теряясь в словах и начиная мямлить, как только вступают на почву неведанных ими ранее земель русского языка.

Иначе чем неведением нельзя назвать допущенный теологический «фейл», граничащий с кощунством и оскорблением чувств верующих:

*гудят, гудят невидимые пчёлы,
река готовит саваны парчовы
для сущих во гробех*

К сведению членов жюри и поэтов: «сущие во гробех» – кроме того, что это метафора умерших, мертвых, это еще и конкретный религиозный термин, обозначающий именно «сущих» (мёртвых, существующих, находящихся) в гробах.

А саван – это: «религ. широкое погребальное одеяние из белой ткани для покойников в виде длинной рубахи, а также белый покров, которым накрывают тело в гробу».

Уловить несложно? У «сущих во гробех» саван по определению уже есть. «Сущие во

гробех» – это уже погребенные, зачем их эксгумировать и перепогребать именно в реке?

Поэт просто запутался в создаваемых образах, как шнурок кроссовка в зарослях репейника, увлекшись созданием поэтических красот.

Вишенкой же на тарелочке с языковыми блохами служит фраза, звучащая явно не по-русски: «на остовы разрушенных дворцов».

Нет такого понятия в русском языке «разрушить на остов». «До остова» – существует. «На остов» – нет. Это явно неловкая попытка вписаться в размер.

/ Вмешаюсь тут. Не «разрушенных на остовы», а герой глядит на остовы. Просто глагол и управляемая им часть фразы слишком далеко разнесены друг от друга, и связь теряется. ПК /

// Доктор всегда готов признать свою ошибку, но такая переусложненность предложений – явно не идет стихам на пользу. Доктор//

А больше и поговорить в подборке не о чем.

Второе стихотворение – «Исход», показалось Доктору слишком тяжеловесным по форме и содержанию. Длинная строка не красит, а усложняет поэтику. Не хочется даже вникать в банальность образа «неопалимого куста» или придираться к логике, когда «облака над городом», но, при этом, задевают вершины дубов.

Видно, что стихотворение от ума – не от сердца, и наполнено банальными образами под самую завязку. Разительный контраст с первым.

Третий текст – слишком скучный для Доктора. Такими ностальгическими консервами полон любой поэт, но не каждый поэт – конформист, оттого и видим мы их не столь часто, как могли бы. И слава богу. Ибо ни изюминки, ни чувственности, ни особой образности в них нет.

112. « [Бессимптомно](#) ». Автор - Елена Лещинская.

Доктор:

Доктор весьма настороженно относится к людям, которые часто, эмоционально и помногу говорят. Это чисто профессиональное, впитанное с кровью, потом и слезами

«лохов», которых в лихие девяностые разводили привокзальные деятели. Всегда казалось, что признак неконтролируемого говорения – это явный признак принадлежности к одной из категорий.

К счастью, к стихам в подборке это отношения не имеет. Талантливые стихи, чего уж там.

И талант их, прежде всего, основан на способности прильнуть к читательской душе и пропитать ее наивно-трогательными откровениями, не переходящими к попрошайничеству и давлению на жалость:

*И я бы выжила, стопудово,
Когда б не весила пять пудов,
Когда б успела в кювет метнуться
От сумасшедшего крузака,
Когда б сумела потом очнуться
И доскрипела до сорока*

На самом деле – не так-то легко в поэтическом высказывании даётся простота повествования от лица героини. Обычно – или сахарный сироп, или сопли-слезы-слюни. И пусть стихотворение не блещет образностью – да и не требуется тут особая образность, – но ему веришь, оттого и включается сопереживание. А сопереживание, вовлеченность, способность вызывать у слушателя эмоции – один из краеугольных камней настоящей, живой поэзии.

Не менее интересно и второе стихотворение. Его можно воспринимать и как фэнтезийную зарисовку – современное переосмысление притчи о двух лягушках, так и просто в качестве душевного порыва:

*Мой маленький аксолотль,
Стареть – не твоя планида.
Построим бальсовый плот
И свалим из неолита.
Аквариума тюрьма
Останется за кормою.
Смотри, зелена волна
До самого Земноморья*

И здесь мы уже видим стихи, полные метафор, подтекста и аллюзий – исторических и современных.

Сам аксолотль предстает как нечто мифическое, допотопное, утратившее свою историческую идентичность и историческое предназначение в глазах современников.

Это, по фантазии, может быть и человек, просто чувствующий себя непонятым:

*Сегодня закат зловещ –
Пожары идут стеною.
Пора бы в окоп залечь,
Да кости и зубы ноют*

Это может быть и какая-нибудь безумная, по нынешним меркам, идея. О совести, например. Или о борьбе добра со злом. Или что-то в стиле Дон Кихота – о слепой, нелепой, но трогательной верности идеалам.

*Мой ласковый аксолотль,
Мой нежный, почти безгрешный,
Какой-нибудь остолоп
Тебя назовёт мятежным.
Мечтатель и фантазёр,
Не слушай его, не слушай.
Эндемик чужих озёр,
Зачем тебе наша суша?*

Пожалуй, «Аксолотль» – одно из красивейших и глубоких, в плане осмысления, стихов конкурса. Посмотрите на уровни его восприятия, в зависимости от интерпретации.

Это может быть и призывом к самому себе, к своему внутреннему «Я». Попыткой психотерапии, рефлексии. И тогда уже мы имеем дело с запредельным уровнем откровенности, выраженным метафорическим языком поэзии. Но самое главное в том, что эта одинокая, неприкаянная сущность оказывается близка и понятна читателю, который уловил авторскую волну.

Хочется бросить все дела и бежать спасать, поддерживать, проявлять участие – ведь боль уже общая. И мы оказываемся тем самым флотом, которого ждет герой, не надеясь на чудо.

Мы: ты, я, третий читатель – чувствуем себя сказочным Героем, способным спасти Принцессу, победить соловья-разбойника или стать этой самой Принцессой, которая принесет счастье такому тонко чувствующему, пусть пока и опальному, Принцу.

*Держись, на подходе флот,
Писать завещанье рано,
Мой маленький аксолотль,
Дракончик Теночтитлана*

А еще – стихотворение создает хорошее настроение, тепло в душе и приносит вполне ощутимую радость и улыбку. Что, по нынешним временам, ох как необходимо всем – и домашним затворникам, и деятельным борцам с пандемией. Оно способно подарить надежду нуждающимся. Не это ли главное в поэзии?

Третье стихотворение – в моей, не единственно возможной, интерпретации –

считывается как «поэзия о поэзии» или «поэзия о творческих муках», столь нелюбимая многими авторами, если это не писано ими самими. Изящество воплощения – вот, на мой взгляд, достоинство этого варианта прочтения, где «знакомое божество» имеет право быть метафорой твоего поэтического таланта.

Весьма неоднозначная трактовка, признаюсь честно. Но Доктору так захотелось увидеть и, что важно(!), показать это видение другим авторам, пытающимся напрямую, в лоб, вещать о процессах, происходящих на поэтической кухне, и, естественно, терпящих поражение и в глазах жюри, и в глазах собратьев по перу, и в глазах читателя.

*Улыбаясь медленно и светло,
Наблюдаешь тихо и незаметно,
Как твоё знакомое божество
Неуклюже прикидывается смертным.
Убирает солёную прядь со лба,
Отгоняет ладонью ветра и тени,
Защищая горы и города,
Примостившиеся у его коленей.
Улыбаясь медленно и светло,
Ты почти ничего и не видишь, кроме –
Что твоё знакомое божество
Потихоньку чахнет без свежей крови.
Да не дрогнет скальпель в твоей руке...
Так вскипает кофе в посуде медной.
Ты умеешь, даже летя в пике,
Бесподобно прикидываться бессмертной.*

Петра Калугина:

А вот здесь мы с Доктором не совпадаем, к сожалению. Подборка оставила меня равнодушной, а где-то и вызвала раздражение. Этот бесшабашно-неряшливый дворово-компанейский сленг в первом тексте почему-то кажется мне нарочитым. Не верится, что автору и в жизни свойственна эта манера речи. «Метнуться от крузака», «доскрипела до сорока», «заклинило в той двадцатке»... Ощущение стилизации под речь молодости, но эта «молодость» получается как в кривом зеркале, внимать этой речи как-то неловко, ее сумбужность и простецкость – кажимая; жутковатый гомункул прошлого скорее отталкивает, нежели вызывает эмпатию.

Второй текст хороший. Наверное. Для тех, кому близка эта тема – аксолотли, дракончики Теночтитлана, фэнтезийное Земноморье... Я же тут – пас, всё это мимо меня. Могу лишь указать на некоторые логические нестыковки.

Например, автор изображает этого своего аксолотля классическим бунтарем: «стареть не твоя планида», «построим плот и свалим из неолита», «мечтатель и фантазёр»... И тут же обзывает остолопом того, кто мог бы назвать аксолотля «мятежным». Хотя «мятежность» идеально вписывается в этот ряд.

Или:

*Пора бы в окоп залечь,
Да кости и зубы ноют.*

Если ноют кости и зубы, то почему бы и не залечь в окоп, не отдохнуть от вечного боя, изнурившего героиню? В чем противоречие, зачем здесь это «да» в значении «но»?

В третьем тексте меня смущает фраза «Улыбаясь медленно и светло», повторяющаяся дважды. Ничего не могу с собой поделаться – лезет и лезет в голову пассаж о «светлой улыбке подонка», встреченный у какого-то куртуазного маньериста.

Вообще, когда человек говорит «светлая» о своей улыбке (не о чужой), в этом есть что-то странное. Светлая улыбка может быть увидена только со стороны. Даже не в зеркале. Со словом «медленно» применительно к улыбке тоже не всё так просто. Попробуйте медленно и светло улыбнуться, и вы поймете, о чем я.

238. « [Гудини](#) ».

Петра Калугина:

Когда имеешь дело с этим автором и собираешься что-то о нем написать, хотя бы об одном из его текстов (а тут целых три), лучше сразу, на берегу, с собой договориться: не надо обнимать необъятное, не надо пытаться уволочь всю лавку волшебника вместе с ним самим. В обзор всего не впихнёшь, только зря надорвёшься.

Вот и сейчас – постараюсь воздержаться от избыточного цитирования и подробного смакования, выбрать какой-то один аспект и на нем сосредоточиться. Например, поставим вопрос так: почему – Гудини бытия? Почему – Гудини? Иллюзионист, мастер побега, виртуоз исчезновения. Связанного цепями, в наручниках, его запирали в сейфе на замок, а через несколько минут – вуаля! – сейф оказывался пуст. Бытие, то есть жизнь, тоже проделывает трюк с исчезновением, только исчезает не из металлического ящика, а из человеческого тела. Была – и нет. Идея бесследного исчезновения своего «я» глубоко потрясает в детстве, потом острота осознания притупляется – но не у всех. У некоторых (таких, как наш анонимный автор–238) эта внутренняя опция развивается и эволюционирует, оттачивается и прокачивается с годами, доводя своего обладателя до немислимых граней чувствования жизни/смерти/красоты/языка/любви.

Верлибры, которые создает этот анонимный (совершенно анонимный, ну просто вот абсолютно!) автор, и всегда-то полны этим пронзительным предельным чувствованием, но в «Гудини», мне кажется, поэт превзошел себя. И вот здесь я, пожалуй, не откажу

себе в удовольствии процитировать:

*а вот и сама смерть -
осторожна, чутка,
как слепая девушка в бутике парфюмерном:
на ощупь выбирает флаконы, нюхает. нет, не он.
и роняет на пол, и идет по осколкам,
благоухающим ароматами.
а вот тех открою, а тех нет, нет. и падают на кафель
жизни: дзыньк. дзыньк.
и ты замираешь - бутылочка с запахом жизни,
обнявшись с бутылочками, которые любишь.
зажимаешь ноздри, не дышишь.
проходи мимо, самка парфюмера, проходи...*

Тут, конечно, можно вернуть замечание, что поэт повторяется, что была уже самка фонаря, но я погожу пока с замечаниями – до следующей, третьей самки чего-нибудь. В конце концов, чем плоха «самка» как фирменный знак автора?

...Копирую и отменяю куски текста, сочащиеся роскошной, вкусной образностью... Нет, всё-таки эти верлибры лучше читать целиком. Бархатные медузы снегопада, бронзовые щупальца фонаря-омара... Стоит ли выживать их из магического аквариума, бесцеремонно запустив туда руку?

И вот я еще подумала... Все эти густо населённые метафорами миры и мирки, трамвайные чрева и сакральные бутики с флакончиками хрупких жизней, – не затем ли они нужны поэту, чтобы где-то между сытных бисквитно-ликёрных строк сказать совсем простыми словами, в их нормальном, не изменённом состоянии:

*я видел жизнь.
я заметил. эта жизнь никогда не повторится, никогда.*

Доктор:

Обычно при чтении на трезвую голову верлибров определенного автора – у Доктора возникает краткосрочная, но жестокая мигрень, по причине интенсивного образования новых связей между нейронами мозга.

Нынче – такой коллизии не случилось. Означает ли сие, что это не Близнюк?

Первый текст весьма интересен темой болезни/смерти, которая с лёгкой подачи автора предстает перед нами в образе милой девушки. Сильно смущает одно: при всей свободе верлибра, неужели с нелепыми инверсиями справиться не судьба?

*слепая девушка
шагает босиком по асфальту, держит туфли*

*на высоких каблуках в руках.
и сама девушка прозрачная,
прозрачная, как вирусная программка*

В первых же строчках возникает аллюзия-антитеза на попсовую, но милую песенку:

*...девушка по городу шагает босиком
По скверам и по улицам порхает мотыльком*

Ну и дальше, в нашем тексте – целый букет таких цветочков из гербария. Начиная с «В коробке с карандашами», где карандаши символизируют Вселенную, – а в нашем случае Время.

И заканчивая самым образом «девушки-смерти», несмотря на то, что такой образ уже присутствует у Кабанова:

*Но, когда я увидел, что бедра её —
медовы,
грудь — подобна мускатным холмам
Кордовы...*

Кто-то скажет: центон немудреный. Доктор же возразит: посмотрите, как всё изысканно переработано! И ветер «крылышками бяк-бяк-бяк», а не какая-то банальная бабочка. И «Парфюмер» Зюскинда – не парфюмер вообще, а парфюмерша. И вообще – одни вкусы для друзей.

Вот только на этот раз – мигрени у Доктора не случилось: хватило имеющихся аксонов.

Второй текст вызвал-таки головную боль, но по совершенно нелестным причинам. Первое – это отсутствие редакции при выстраивании композиции. А второе – полное отсутствие новых для Доктора образов и мыслей. Совершенно уверен, что всё это уже изложено в рифму поэтами-троечниками, на бескрайних полях интернета.

*сон - как колокол, который парит над тобой.
он защищает тебя от кислотного дождя
реальности.
все мы вышли из снов, будто твари сухопутные - из воды...*

О третьем опусе и говорить особо не хочется. Взятый автором за основу и проведённый центральной мыслью образ «троллейбусного кита» настолько затёрт, замызган, зашоркан и заюзан, что даже на Балтии он уже встречался несколько раз.

Но чтобы окончательно не расстраивать жюри, давшее дорогу этой подборке, приведу в качестве утешения детскую песенку. Ведь даже малым детям нравятся «троллейбусы-киты», почему же не должно нравиться взрослым отборщикам?

*Троллейбусы – киты, двухструйные фонтаны,
По морю городскому катают горожан.
Грядю островов аллеи из каштанов.
Троллейбусы – киты, столица – океан.
Троллейбусы – киты, двухструйные фонтаны,
Везут столичных граждан, сквозь люки веет бриз.
А в окнах – остановок неведомые страны...
Ах, как прекрасен в детстве троллейбусный круиз!*

Послесловие

Доктор надеется, что почтенная публика будет, по сложившейся традиции, ругать эскулапа и хвалить милую представительницу прекрасного пола. Тем более что это он травил ее в столь неблагодарное предприятие.

Всем здоровья и терпения.

Продолжение следует...

ИМХО-КЛУБ: ТЕРРИТОРИЯ СВОБОДНОГО МНЕНИЯ